Теоретико-правовые основы публично-правового регулирования виртуальных цифровых пространств

Радченко Александр Витальевич
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Alxarchenco@yandex.ru

Активное внедрение цифровых технологий привело к формированию принципиально новой среды для реализации общественных интересов, что обусловило необходимость пересмотра подходов к их правовой регламентации. Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе публично-правового регулирования виртуальных цифровых пространств, охватывающем определение их понятийного аппарата и сущностных характеристик, выявление публичных интересов в цифровой сфере, а также установление допустимых границ государственного вмешательства. В ходе исследования, основанного на общенаучных и специально-юридических методах, было сформулировано авторское определение виртуального цифрового пространства, выделены его ключевые признаки и предложена классификация по нескольким основаниям. Обоснован комплексный характер правового регулирования, сочетающий императивные методы публичного права с диспозитивными инструментами частного права и механизмами саморегулирования. В работе делается вывод о необходимости формирования системного подхода к регулированию цифровых пространств с учетом их специфики.
Ключевые слова: виртуальное цифровое пространство, публично-правовое регулирование, публичные интересы, пределы государственного воздействия, частное право, цифровая среда, киберпространство, цифровое право.

Введение

Современный этап общественного развития отмечен всепроникающей цифровой трансформацией, которая кардинально меняет устоявшиеся формы социального взаимодействия. Виртуальные цифровые пространства эволюционировали из узкоспециализированной технической среды в полноценную арену для реализации экономических, политических, социальных и культурных интересов. Как справедливо констатируют Т.В. Плотникова и В.В. Харин, интернет-среда давно перестала быть «свободной стихией», превратившись в арену столкновения интересов миллионов пользователей, транснациональных корпораций и целых государств [1, с. 392].

Специфические свойства виртуальных пространств, такие как трансграничность, децентрализованность и высокая динамика изменений, создают принципиально новые вызовы для правовой системы. В связи с этим И.С. Сорокин справедливо отмечает, что «цифровое пространство нельзя рассматривать как виртуальную среду, но виртуальная среда всегда существует внутри цифрового пространства как одна из его частей» [2, с. 76]. Это разграничение имеет ключевое значение для понимания объекта правового воздействия.

Крайне актуальным представляется вопрос о балансе между публично-правовым и частноправовым регулированием в цифровой среде. С одной стороны, виртуальное пространство служит площадкой для реализации частных интересов — от предпринимательской деятельности до личной коммуникации. С другой — его социальная значимость и масштабы объективно требуют публично-правового вмешательства для обеспечения безопасности и противодействия киберпреступности [3, с. 20]. Однако, как верно подмечает А.Г. Дейнеко, государство не способно ни отменить интернет-отношения, ни полностью подчинить их себе, что требует поиска нового регуляторного баланса [4, с. 17]. Цель настоящей работы — комплексный анализ теоретико-правовых основ регулирования виртуальных цифровых пространств, включая выработку понятийного аппарата, выявление публичных интересов и определение пределов государственного воздействия.

1. Понятие, признаки и классификация виртуальных цифровых пространств как объекта публично-правового регулирования

Эффективная система публично-правового регулирования немыслима без четкого определения ее объекта. Отсутствие легальной дефиниции «виртуального цифрового пространства» в российском законодательстве порождает не только теоретические споры, но и практические сложности, связанные с выбором адекватных регуляторных инструментов [5, с. 67]. В научной литературе сложились различные подходы к определению данного феномена.

Так, И.М. Рассолов связывает виртуальное пространство с концепцией Интернета, рассматривая его как среду возникновения информационных отношений. В свою очередь, Р.В. Шагиева характеризует виртуальный мир как частичное отражение физического мира в памяти программных средств [6]. Н.Н. Телешина, в свою очередь, указывает на техническую природу термина «киберпространство», который не в полной мере отражает социально-правовую сущность явления [7, с. 151-154].

Обобщая представленные позиции, мы предлагаем следующее определение: виртуальное цифровое пространство — это социально-техническая среда, формируемая с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в которой возникают, изменяются и прекращаются общественные отношения по поводу создания, обработки, хранения и передачи цифровой информации, и которая характеризуется трансграничностью, децентрализованностью, анонимностью и динамичностью.

Для целей публично-правового воздействия необходимо детально охарактеризовать сущностные признаки этого пространства.

Виртуальность. Отношения здесь не имеют прямой физической основы, существуя в форме цифрового кода. Это порождает объективные сложности с идентификацией субъектов и установлением юридических фактов. Как отмечают Р.В. Пузиков и В.В. Харин, «в

цифровой среде значительно сложнее идентифицировать личность человека, его пол и возраст, а значит, учесть данные особенности в правовом регулировании» [3, с. 20].

Трансграничность. Отсутствие жесткой привязки к территории государства создает серьезные проблемы для определения применимого права и юрисдикции. С.П. Федоренко с соавторами обоснованно указывают, что «нивелирование государственных границ создает сложности в определении юрисдикции и применимого права» [8, с. 27].

Децентрализованность. В отличие от иерархических структур публичной власти, цифровая среда представляет собой множество независимых узлов и платформ. Это свойство существенно ограничивает возможности прямого государственного регулирования и актуализирует поиск новых форм взаимодействия, включая сорегулирование [4, с. 59].

Анонимность. Это свойство имеет двойственную природу: с одной стороны, оно обеспечивает защиту частной жизни, с другой — создает благоприятную среду для противоправной деятельности. Криминальные субъекты проявляют повышенный интерес к данной среде, что требует специфических мер противодействия [1, с. 393].

Динамичность. Высокая скорость изменений технологий и платформ приводит к тому, что законодательство зачастую отстает от практики. В связи с этим Е.В. Холодная обоснованно говорит о необходимости «опережающей проработки российского законодательства» в этой сфере [9, с. 119].

На основе выделенных признаков представляется возможной классификация виртуальных цифровых пространств. По функциональному назначению можно выделить коммуникационные (соцсети), экономические (торговые площадки), информационные (госсайты), развлекательные (метавселенные) и образовательные пространства. По степени регулируемости — публичные (открытые), полупубличные (с условиями регистрации) и частные (по приглашению). По масштабу охвата — глобальные, национальные и локальные. Предложенная классификация, на наш взгляд, может служить базовым инструментом для дифференциации режимов публично-правового регулирования в зависимости от вида пространства.

2. Публичные интересы и пределы государственного воздействия в виртуальных цифровых пространствах

Центральным вопросом теории публичного права является определение публичных интересов, реализуемых в цифровой среде, и установление пределов государственного воздействия. Публичный интерес в классическом понимании — это признаваемый государством и обеспеченный правом интерес социальной общности. В условиях цифровизации его содержание существенно трансформируется.

Первоочередным публичным интересом выступает обеспечение безопасности. В цифровой среде этот механизм приобретает специфику, связанную с противодействием киберпреступности, защитой критической информационной инфраструктуры и распространением противоправного контента. Как справедливо отмечает В.Д. Захарова, цифровое пространство России, подобно другим странам, стало объектом угроз со стороны киберпреступников, хакеров и других злоумышленников, что требует комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности [10, с. 122-123]. Как подчеркивается в исследовании С.П. Федоренко, «под угрозой находятся права человека», причем в виртуальном пространстве возникают новые формы дискриминации и нарушения частной жизни [8, с. 28].

Вторым по значимости публичным интересом является обеспечение суверенитета государства в цифровой среде. Трансграничный характер потоков информации создает угрозы для контроля над национальным информационным пространством. Кроме того, процессы цифровизации характеризуются концентрацией власти в руках ограниченного круга транснациональных корпораций, что создает риски злоупотреблений в глобальном масштабе [8, с. 28-29].

Третьим публичным интересом является обеспечение доступа граждан к цифровым благам и преодоление цифрового неравенства. Европейский опыт свидетельствует о признании права на доступ в Интернет на конституционном уровне (Франция, Испания) [1, с. 395]. В России данная проблема актуализирована в рамках реализации Стратегии развития информационного общества.

Наконец, к публичным интересам относится защита персональных данных и приватности, а также обеспечение добросовестной конкуренции. Огромные массивы данных, собираемые в цифровых экосистемах, требуют разработки эффективных механизмов защиты в соответствии с принципом приоритета прав человека.

При установлении пределов государственного воздействия необходимо руководствоваться рядом фундаментальных принципов.

Принцип соразмерности (пропорциональности). Вмешательство не должно быть чрезмерным и должно быть обусловлено действительной общественной необходимостью. Следует помнить, что «этические и правовые императивы, формировавшиеся на протяжении нескольких тысяч лет, сейчас находятся под угрозой тотального форматирования» [9, с. 119-120].

Принцип технологической нейтральности. Регулирование не должно отдавать предпочтение каким-либо конкретным технологиям, а должно быть ориентировано на достижение социально значимых целей.

Принцип субсидиарности. Государство должно вмешиваться только тогда, когда цели не могут быть достигнуты с помощью саморегулирования. В цифровой среде регламентация зачастую формируется стихийно на основе традиций и правил конкретных интернет-ресурсов [1, с. 393-394].

Принцип учета международно-правовых обязательств. Трансграничный характер отношений требует согласованных действий государств, что ограничивает возможность одностороннего национального регулирования.

3. Соотношение публично-правового и частноправового регулирования в цифровой среде

Вопрос о соотношении публичного и частного права в цифровой среде является одним из наиболее дискуссионных. Сложность его решения обусловлена комплексным характером отношений, складывающихся в виртуальных пространствах.

В доктрине сформировались разные подходы к определению правовой природы цифрового права. Одни исследователи, как отмечает А.В. Минбалеев, рассматривают его как комплексный институт или комплексную отрасль, указывая на специфический предмет и особую среду [11, с. 59-61]. Другие, критикуют эту позицию, указывая на «невнятный предмет» и отсутствие единства метода правового регулирования.

Анализ показывает, что границы между публичным и частным становятся подвижными. В цифровой среде наблюдается взаимопроникновение методов. Рассмотрим это на конкретных сферах.

В сфере экономических отношений доминируют частноправовые начала (свобода договора), однако они существенно ограничиваются публичными интересами (правила идентификации, противодействие легализации доходов). Как отмечают исследователи, авторские права и патенты в виртуальном пространстве становятся все более сложными объектами [8, с. 28].

В сфере защиты персональных данных и информационной безопасности преобладают императивные, публично-правовые методы (Федеральный закон № 152-ФЗ). В сфере публичных коммуникаций (социальные сети) наблюдается смешанный характер. Отношения формально являются частноправовыми (пользовательские соглашения), однако, как справедливо указывает К.Г. Киктенко, эти соглашения зачастую не соответствуют частноправовым принципам и требуют приведения их в соответствие с ними для защиты слабой стороны [12, с. 5-6].

Наконец, в сфере государственного управления доминируют административно-правовые методы, однако наблюдается тенденция к использованию частноправовых инструментов (государственно-частное партнерство).

Указанная дифференциация приводит к выводу о комплексном характере регулирования. Принципы, сформулированные А.В. Даниленковым, включают как сетевую нейтральность (частноправовой аспект), так и государственный суверенитет (публично-правовой) [13, с. 32].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Виртуальные цифровые пространства представляют собой сложный социально-технический феномен, требующий адаптации традиционных публично-правовых институтов. Их сущностными признаками (виртуальность, трансграничность, децентрализованность, анонимность, динамичность) обусловлены сложности правового воздействия. Публичные интересы

в этой сфере многогранны: от безопасности до обеспечения доступа и защиты суверенитета. Государственное воздействие ограничивается принципами соразмерности, субсидиарности и технологической нейтральности. Соотношение публичных и частных начал носит комплексный характер. Наиболее эффективным представляется сочетание императивных методов с диспозитивными механизмами частного права и саморегулированием. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка комплексной модели регулирования, систематизация законодательства и совершенствование международного сотрудничества.

Литература

1. Плотникова Т.В., Харин В.В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 392–400. DOI: 10.17277/pravo.2022.03.pr.392-400.
2. Сорокин И.С. Категория цифрового пространства в современном гражданском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 73–82. EDN: MFLLVX.
3. Пузиков Р.В., Харин В.В. Феномен цифрового права: проблема теоретизации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 19–22. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_19.
4. Дейнеко А.Г. Публичное право в киберпространстве: публично-правовое регулирование информационных отношений. М.: Проспект, 2025. 248 с. ISBN: 978-5-392-42996-7. EDN: SBSONL.
5. Рассолов И.М. Право и интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 210 с. EDN: WATFXZ.
6. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 310 с. ISBN: 5-7464-0629-5. EDN: QXDJHB.
7. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как новая юридическая конструкция: к постановке проблемы // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 740–747. EDN: RBRTNR.
8. Федоренко С.П., Неправов Р.Г., Шогенов Т.М. Актуальные вопросы правового регулирования общественных отношений в постоянно действующем виртуальном пространстве метавселенной // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 26–33. EDN: BWYNOW.
9. Холодная Е.В. О правовой концепции метавселенных // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 3 (208). С. 116–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128. EDN: DILKMX.
10. Захарова В.Д. Кибербезопасность в цифровом пространстве // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 08 ноября 2023 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2023. С. 117–123. DOI: 10.24412/cl-37098-2023-1-117-123. EDN: USPXUM.
11. Минбалеев А.В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58–64. EDN: QJUAED.
12. Киктенко К.Г. Социальные сети и принципы частного права // Закон. 2025. № 10. С. 172–186. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-10-172-186. EDN: IZEFUK.
13. Даниленков А.В. О правовой природе цифровых суррогатов // Хозяйство и право. 2018. № 8 (499). С. 83–89. EDN: XVARQD.

Theoretical and Legal Foundations of Public Law Regulation of Virtual Digital Spaces

Radchenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The active introduction of digital technologies has led to the formation of a fundamentally new environment for the realization of public interests, which necessitated a revision of approaches to their legal regulation. The purpose of this work is a comprehensive analysis of the public law regulation of virtual digital spaces, covering the definition of their conceptual apparatus and essential characteristics, identification of public interests in the digital sphere, as well as establishing the permissible limits of state intervention. In the course of the study, based on general scientific and special legal methods, the author's definition of a virtual digital space was formulated, its key features were identified, and a classification was proposed on several grounds. The complex nature of legal regulation, combining imperative methods of public law with discretionary instruments of private law and self-regulation mechanisms, is substantiated. The paper concludes that it is necessary to form a systematic approach to the regulation of digital spaces, taking into account their specificity.

Keywords: virtual digital space, public law regulation, public interests, limits of state intervention, private law, digital environment, cyberspace, digital law.

References

1. Plotnikova T.V., Kharin V.V. The Phenomenon of "Digital Rights" in the Context of Legal Regulation of Virtual Space // Pravo: istoriya i sovremennost. 2022. Vol. 6, No. 3. P. 392–400. DOI: 10.17277/pravo.2022.03.pr.392-400.
2. Sorokin I.S. The Category of Digital Space in Modern Civil Law // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. No. 4 (108). P. 73–82. EDN: MFLLVX.
3. Puzikov R.V., Kharin V.V. The Phenomenon of Digital Law: the Problem of Theorization // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. No. 12 (216). P. 19–22. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_19.
4. Deyneko A.G. Public Law in Cyberspace: Public Law Regulation of Information Relations. Moscow: Prospekt, 2025. 248 p. ISBN: 978-5-392-42996-7. EDN: SBSONL.
5. Rassolov I.M. Law and Internet. Theoretical Problems. Moscow: Norma, 2009. 210 p. EDN: WATFXZ.
6. Shagieva R.V. The Concept of Legal Activity in Modern Society. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2005. 310 p. ISBN: 5-7464-0629-5. EDN: QXDJHB.
7. Teleshina N.N. Virtual Space as a New Legal Construction: to the Formulation of the Problem // Yuridicheskaya tekhnika. 2013. No. 7-2. P. 740–747. EDN: RBRTNR.
8. Fedorenko S.P., Nepranov R.G., Shogenov T.M. Current Legal Issues of Regulation of Public Relations in the Constantly Operating Virtual Space of the Metaverse // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. 2025. No. 2. P. 26–33. EDN: BWYNOW.
9. Kholodnaya E.V. On the Legal Concept of Metaverses // Lex Russica (Russian Law). 2024. Vol. 77, No. 3 (208). P. 116–128. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128. EDN: DILKMX.
10. Zakharova V.D. Cybersecurity in the Digital Space // Economics and Management: Experience and New Solutions in the Era of Transformations: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Omsk, November 8, 2023. Omsk: Omsk State Technical University, 2023. P. 117–123. DOI: 10.24412/cl-37098-2023-1-117-123. EDN: USPXUM.
11. Minbaleev A.V. Digital Law as a Complex Institute of Russian Law // Problemy prava. 2019. No. 4 (73). P. 58–64. EDN: QJUAED.
12. Kiktenko K.G. Social Networks and Principles of Private Law // Zakon. 2025. No. 10. P. 172–186. DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-10-172-186. EDN: IZEFUK.
13. Danilenkov A.V. On the Legal Nature of Digital Surrogates // Khozyaystvo i pravo. 2018. No. 8 (499). P. 83–89. EDN: XVARQD.